

Blood on ice
2008, cm 100 x 70, photo, pastels, on Fabriano paper

Sangue sul ghiaccio,
2008 cm 100 x 70 foto, pastelli, su Fabriano

«Кровь на льду»,
2008, 100 x 70 см, фотография, пастель, бумага «Фабриано»

Michail Pogarskij

YOU ARE BEAUTIFUL, MOMENT. STOP!

“Who discovered a new world?
A madman mocked everywhere,
On the bloodsoaked cross,
A fool who dies bequeathes us a God”.
Pierre Beranger

When confronted with the works of Fausta Squatriti it is impossible to remain indifferent. They are capable of awakening the most varied sensations: from meditative ecstasy to the most intense enthusiasm, from philosophical thoughtfulness or aesthetic reflection to a poetic explosion of emotions.

Take for example the series *Ecce Homo* (2005–2009). Perhaps no one before Fausta Squatriti has ever exposed the inscrutable existence of the asylum in this manner. We may react in many ways to people suffering from insanity: with compassion, disgust, curiosity, or scientific interest. Cesare Lombroso in his famous book *Genio e follia* traces various characteristics that an insane person and a genius have in common. Fausta Squatriti shows us madness from the artist's standpoint. And behold the miracle! We discover that a totally surprising aesthetic dimension thrives in madness. Thus a completely new, parallel world opens up, in the face of which it is impossible to feel either pity or disgust because it is a world that exists according to *other* rules, a world for which we can only feel respect.

Fausta creates her own language of symbols, her own personal art-alphabet to describe the different facets of our reality; a language whose origins go back to prehistory, to cave paintings, to ancient magical ruins, to Egyptian hieroglyphics, and to the heavenly signs of pagan cultures. With the extraordinary insight of the artist, she juxtaposes photographs of the insane with these symbols. From one emanates a sense of loss and the inability to defend oneself; from another, a capacity for gentleness we can never know, whereas yet another transmits an infinite loneliness.

In *The Human Comedy* cycle (1999–2001), the artist uses her own alphabet of symbols to reveal the character of many well-known cultural figures. And if on a first level of perception these graphic forms are limited to emphasizing certain character traits, when we move to a more profound study, we begin to perceive the many parallels evinced between genius and madness. A slight distortion of the symbol set next to the French poet Jean Claude de Fugas, and it turns into a pointed sign we find beside a lone madman standing upright by his bed. The forms that accompany a naked madwoman have an energy equivalent to those that accompany the laughing German gallery owner, Karin Fesel. A sordid black corner beside two depressed, mentally infirm men is deliberately located barely a step away from the ugly black stain that has spread next to the face of the Italian art critic Giuliano Serafini. The desperation of a madwom-

The Human Comedy: the Art Historian Jacqueline Ceresoli, 2000
La commedia umana dello storico dell'arte Jacqueline Ceresoli
 «Человеческая комедия – искусствоведа Жаклин Чересоли», 2000

The Human Comedy: the Art Historian Giuliano Serafini, 2000
La commedia umana: dello storico dell'arte Giuliano Serafini
 «Человеческая комедия – искусствоведа Джулиано Серафини», 2000

an in a corridor that disappears in the distance is reinforced by an impetuous symbol stretching towards the unknown regions of knowledge and, undoubtedly, these refer to *The Human Comedy* cycle in which the Kabbalist Arturo Schwarz is also portrayed.

Fausta Squatriti's art reveals the fragility and instability of our inner world, poised on the edge of the abyss. But at the same time she manages to dispel a certain fear at the sight of the abyss, into which we already envision not so much an ordinary fall as the entrance to completely different "other" worlds.

In the following two projects, *Beata solitudo sola beatitudo* (2002–2005) and *Requiem for the Species and for the Machine* (1997–1998), the artist addresses the theme of the human body, machines, and abandoned urban spaces. And here, too, we discover a number of interrelated threads. A labyrinth of acute angles, for example, next to a pointing hand, directs a reciprocal echo from one labyrinth to the next, this time a square one, located next to a door collapsing inwards. A star spider beside two water main pipes and the crossed palms of two hands on a white shirt have an evident affinity to the little man standing next to a corridor leading nowhere.

The project *Requiem for the Species and for the Machine* clearly resonates with *The Human Comedy* cycle. This is first of all emphasized by the metal cubes, which are present in both projects and express stability, a solidity of substance in support and defence of this world of irrepressible passions and creative impulses. An infinite number of symbolic affinities are also clearly discernible between these projects, such as the sign in the shape of a "T" from *Requiem*

The Human Comedy: the Poet Jean Claude de Fuegas, 1999
La commedia umana: del poeta Jean Claude de Fuegas
 «Человеческая комедия – поэта Жан-Клода Фюэгаса» 2000

for the Species and for the Machine and the serrated frame around a pair of cut-off feet, which find continuity in the symbol next to the head of the art critic Elizabeth Longari. Or how the arrow-cross laid on the figure of the art historian Jacqueline Ceresoli is in many ways similar to the arrow-labyrinth located beside a hand and two cubes. And the pincer-shaped sign that grips the historian Flavio Caroli is isomorphic with respect to the clamp fixed around a heart and a tap in another *Requiem*.

In the 1920s the poet Velimir Khlebnikov issued a proclamation to the world's artists, calling on them to create an entirely new alphabet to replace the existing, outdated, mono-signifying letters. At the beginning of the third millennium, this fundamentally new "other" alphabet, this international language made of graphic symbols that can be understood by every artist, has been created—and with success—by our sculptress of signs. And if, in his day, Khlebnikov partially opened the arcane layers of language, today Fausta Squatriti reveals the very weave of our present reality, in which tragedy and comedy are intertwined in a dense network of internal correspondences.

It is natural that in the work of any artist some things will have a closer impact than others which lodge only in the peripheral layers of consciousness. Personally, I was strongly affected by the cycle *Beata solitudo, sola beatitudo*. It seems to me that in those wanderings through derelict landscapes, Fausta, like the medieval Dr. Faust, considers the fragile bricks of the universe and, unlike her famous namesake, constantly repeats: *You are beautiful, moment. Stop!*

Michail Pogarskij

SEI BELLO, ATTIMO. FERMATI!

“Qui découvrit un nouveau monde?
Un fou qu'on raillait en tous lieux,
Sur la croix que son sang inonde,
Un fou qui meurt nous lègue un Dieu”.
Pierre Beranger

Davanti ai lavori di Fausta Squatriti non si può restare indifferenti. Possono risvegliare le più varie sensazioni, dall'estasi meditativa all'entusiasmo più esaltato, dalla pensosità filosofica e riflessione estetica fino all'esplosione poetica delle emozioni.

Prendiamo la serie *Ecce Homo*: forse prima di Fausta Squatriti nessuno aveva così snudato l'esistenza imperscrutabile del manicomio. Con chi è vittima dell'insania ci si può rapportare in vario modo: con compatimento, con disgusto, con curiosità o con interesse scientifico. Cesare Lombroso nel suo celebre *Genio e follia* rintraccia diversi tratti in comune tra l'uomo insano di mente e l'uomo di genio. Fausta Squatriti ci presenta la follia dal punto di vista dell'artista. Ed ecco il miracolo! Si viene a scoprire che nella follia alligna una dimensione estetica sorprendente. Ci si apre così un mondo parallelo nuovo, nei confronti del quale non è possibile provare né pietà, né disgusto, poiché è un mondo che vive in base a regole *altre*, un mondo nei confronti del quale dobbiamo provare rispetto.

Fausta crea un proprio linguaggio di simboli, un suo personale art-alfabeto con il quale descrive le diverse sfaccettature della nostra realtà. È una lingua le cui origini risalgono alla preistoria, alle pitture rupestri, alle antiche rovine magiche, ai geroglifici egizi e ai segnali celesti delle culture pagane. Con straordinaria intuizione di artista accosta a quei simboli foto di matti. Da una traspare un senso di incapacità a difendersi e di smarrimento, da un'altra una capacità di mitezza inconoscibile per noi, un'altra ancora trasmette un'incommensurabile solitudine.

Nel ciclo *La commedia umana* facendo ricorso al proprio alfabeto di simboli, l'artista mette a nudo il carattere di molte personalità della cultura. E se a un primo strato di percezione queste strutture grafiche si limitano a sottolineare determinati tratti di una personalità, quando si passa a uno studio più profondo, allora si cominciano a percepire i tanti paralleli avvertiti tra genialità e follia. Una leggerissima deformazione del simbolo accanto al volto del poeta francese Jean Claude de Fugas, si perpetua in un segno appuntito che ritroviamo a lato di un matto solitario ritto accanto al proprio letto. Le forme che accompagnano una pazzia nuda sono di equivalente energia a quelle che accompagnano la ridente gallerista tedesca Karin Fesel. Un sordido angolo nero a lato di due matti depressi si colloca formalmente a un passo appena dalla macchia nera che si spande accanto al volto del critico d'arte italiano Giuliano Serafini. La disperazione di una folle lungo un corridoio che si perde in lontananza

The Human Comedy: the Cabalistic Expert Arturo Schwartz, 2000
La commedia umana: dell'esperto di kaballà Arturo Schwartz
«Человеческая комедия – кабалиста Артуро Шварца», 2000

è rafforzata da un simbolo impetuoso teso verso regioni sconosciute della conoscenza e, indubbiamente, si richiama al ciclo della Commedia Umana nella quale figura anche il cabalista Arturo Schwarz.

L'arte di Fausta Squatriti rivela la fragilità e l'instabilità del nostro mondo interiore, in bilico sul limite dell'abisso, ma allo stesso tempo riesce a eliminare una certa paura al cospetto di quell'abisso, nel quale già si intravede non tanto una banale caduta, quanto il passaggio verso mondi completamente diversi, "altri".

Nei due progetti seguenti, *Requiem per la specie e per la macchina* e *Beata solitudo sola beatitudo...* l'artista si rivolge al tema del corpo umano, delle macchine e degli spazi urbani abbandonati. Anche qui percepiamo una quantità di intrecci: un labirinto di angoli acuti, per esempio accanto a una mano nell'atto di indicare, dirige il reciproco farsi eco da un labirinto all'altro, stavolta quadrato, posto accanto a una porta che frana verso l'interno. Un ragnò stellare accanto a due tubi di acquedotto e i palmi di mani incrociati su una bianca camicia sono in indubbia continuità con l'omino che sta accanto a un corridoio che non va da nessuna parte.

Il progetto *Requiem per la specie e per la macchina* (1997-98) è, naturalmente, in risonanza con il ciclo della *Commedia umana* del 2009-2001. E questo è sottolineato prima di tutto dai cubi metallici, presenti in entrambi i progetti, che esprimono stabilità, solidità materica a sostegno e difesa di questo mondo di incontenibili passioni e slanci creativi. E certamente anche tra questi progetti si intravedono infinite corrispondenze simboliche, come il segno a forma di "T" del progetto *Requiem per la specie e per la macchina* e l'inquadratura dentata attorno a due piedi mozzi trova continuità nell'emblema accanto alla testa

The Human Comedy: the Art Historian Flavio Caroli, 2000
La commedia umana dello storico dell'arte Flavio Caroli
«Человеческая комедия – искусствоведа Флавио Кароли», 2000

The Human Comedy: the Gallerist Karin Fesel, 2000
La commedia umana: della gallerista Karin Fesel
«Человеческая комедия – галеристки Карин Фезель», 2000

del critico d'arte Elisabetta Longari, o come la freccia-croce che incombe sulla figura della storica dell'arte Jacqueline Ceresoli è simile, in molte cose, alla freccia-labirinto collocata accanto a una mano e a due cubi, mentre il segno a tenaglia che stringe lo storico Flavio Caroli è isomorfo rispetto alla morsa applicata attorno al cuore e a un rubinetto di un altro Requiem.

Negli anni Venti il poeta Velimir Chlebnikov lanciò un proclama agli artisti di tutto il mondo affinché dessero vita a un alfabeto completamente nuovo in sostituzione delle monosignificanti lettere esistenti, ormai tramontate. All'inizio del terzo millennio questo fondamentalmente nuovo, "altro", alfabeto, questa lingua internazionale fatta di simboli grafici, accessibile alla comprensione di ogni artista, è stato - e con successo - creato dalla nostra scultrice del segno. E se allora Chlebnikov schiuse le arcane stratificazioni del linguaggio, oggi Fausta Squatriti svela la trama stessa della nostra realtà, dove tragedia e commedia si intrecciano in una fitta rete di relazioni interne.

È naturale che nell'operare di qualunque artista qualcosa sembri più vicino e qualcosa'altro, collocandosi solo negli strati periferici della coscienza. Personalmente sono stato molto più colpito dal ciclo *Beata solitudo sola beatitudo...* Mi sembra che in quelle peregrinazioni in territori abbandonati Fausta, come il medievale Dottor Faust, soppesi i fragili mattoncini dell'universo e, a differenza del suo celeberrimo omonimo, ribadisca costantemente: *Sei bello, attimo. Fermati!*

Михаил Погарский **ОСТАНОВИСЬ МГНОВЕНИЕ - ТЫ ПРЕКРАСНО!**

«По безумным шагая дорогам,
Нам безумец открыл Новый свет
Нам безумец дал новый завет
Ибо этот безумец был богом...»
Пьер Беранже

Работы Фаусты Скуатрити никого не могут оставить равнодушным. Они могут вызывать самые разные ощущения в диапазоне от медитативного созерцания до бурного восторга, от философской задумчивости и эстетических размышлений до поэтического взрыва эмоций.

Вот серия работ Ессе Ното: пожалуй, до Фаусты Скуатрити никто так глубоко не вскрывал загадочное бытие сумасшедшего дома. К сумасшедшим можно относиться по-разному: с жалостью, с отвращением, с любопытством или с научным интересом. Чезаре Ломброзо написал свой знаменитый труд "Гениальность и умопомешательство", в котором выделил много общего между сумасшедшими и гениями. Фауста Скуатрити представляет нам сумасшествие с художественной точки зрения. И происходит чудо! Оказывается, в безумии есть потрясающей силы эстетика. Нам открывается совершенно новый параллельный мир, к которому уже невозможно испытывать ни жалость, ни отвращение, поскольку этот мир живёт по совершенно иным законам, и мы обязаны относиться к ним с уважением.

Фауста создаёт свой собственный язык символов, индивидуальный арт-алфавит, которым она описывает разные грани нашей действительности. Этот язык уходит своими корнями в доисторические времена к наскальным рисункам, древним магическим рунам, египетским иероглифам и сакральным знакам языческих культур. С потрясающим художественным чутьём она сопровождает фотографии сумасшедших этими символами, в одном из которых прочитывается беззащитность и растерянность, в другом незнакомая нам умиротворённость, а в третьем безграничное одиночество.

В цикле «Человеческая комедия» художник при помощи своей символической азбуки раскрывает характеры многих известных деятелей культуры. И если в первом пласте восприятия эти графические построения просто подчёркивают те или иные черты личности, то при более глубоком изучении творчества Фаусты Скуатрити мы обнаружим многочисленные параллели между гениальностью и сумасшествием. Всего небольшая деформация символа рядом с французским поэтом Жан Клодом Фугасом и он превращается в заострившийся знак около одинокого сумасшедшего, стоящего возле своей кровати. Рисунок, сопровождающий обнажённую сумасшедшую по своей энергетике близок к коллажу рядом с жизнерадостной галеристкой из Германии Карин Фесел. Скупой чёрный угол, подле двух удручённых безумцев всего лишь в шаге от угловатого расплывающегося пятна рядом итальянским арт-критиком

Джулиано Серафини. Безнадёжность уходящего вдаль коридора сумасшедшего нивелируется стремительным символом, направленным к неизвестным областям познания и, безусловно, перекликающегося со знаками вокруг кабаллиста Артура Шварца.

Творчество Фаусты Скуатрити проявляет хрупкость и неустойчивость нашего внутреннего мира, балансирующего на краю пропасти. Но в тоже время она снимает определённый страх перед этой пропастью, в которой уже видится не банальное падение, но переход в совершенно иные миры.

В следующих двух проектах «О блаженное одиночество, о единственное блаженство...» и «Реквием по живым и машинам» художник обращается к теме человеческого тела, механизмов и заброшенных городских пространств. И здесь мы также обнаружим множество пересечений. Остроугольный лабиринт около указующей кисти руки ведёт графическую переключку с квадратным лабиринтом рядом с дверью внутрь осыпавшейся стены. Звёздокрылый паук подле двух водопроводных труб и скрещенных на белой рубашке ладоней в несомненном родстве со звёздообразным человечком около уводящего в никуда коридора.

Проект «Реквием по живым и машинам» конечно же, перекликается и с циклом «Человеческая комедия». Это, прежде всего, подчёркивают металлические кубы, участвующие в обоих проекта и символизирующие определённую стабильность, земную твердь, опору и защиту в нашем безудержном мире страстей и творческих метаний. И, разумеется, между этими проектами также можно увидеть множество символических соответствий. Т-образный знак над головой итальянской писательницы Марозии Кастальди словно дописывают три руки из проекта «Реквием по живым и машинам». Зубчатая окантовка вокруг ступней ног находит своё инверсивное отражение в эмблеме подле головы арт-критика Элизабеты Лонгари. Стрела-крест, нависшая над фигурой историка искусства Джаколине Церезоли во многом подобна стреле-лабиринту рядом с кистью руки и двумя кубами, а клещи, зажимающие историка Флавио Кароли практически изоморфны с тисками вокруг сердца и водопроводного вентиля.

В 20-е годы прошлого века поэт Велимир Хлебников обратился с призывом к художникам мира создать совершенно новый алфавит в замену устаревшим обозначениям существующих букв. В начале третьего тысячелетия этот принципиально иной алфавит, международный язык графических символов, доступный понимаю всех художников, был с успехом создан скульптором знака Фаустой Скуатрити. И если Хлебникову удалось вскрыть потаённые пласты языка, то Скуатрити вскрывает саму ткань нашей современной действительности, в которой трагедия и комедия переплетены густой сетью внутренних соответствий.

Разумеется, в творчестве любого художника что-то кажется более близким, а что-то оседает лишь на периферии сознания. И лично на меня наиболее сильное впечатление произвёл цикл «О блаженное одиночество, о единственное блаженство...» Мне кажется, что в этих странствиях по заброшенным территориям Фауста подобно средневековому доктору Фаусту перебирает хрупкие кирпичики мироздания, но в отличие от своего знаменитого тезки постоянно утверждает: «Остановись мгновение – ты прекрасно!»

prova colore

Some characters from the Human Comedy in the studio. On the right, Elisabetta Longari
Alcuni personaggi della *Commedia Umana* nello studio. A destra, Elisabetta Longari
Некоторые персонажи «Человеческой комедии» в мастерской художницы.
Справа – Элизабетта Лонгари